

ЛИЗА ГАМАУС

РОДИЛЬНОЕ
ОТДЕЛЕНИЕ

МАТЬ!
от тебя
зависит
жизнь
ребёнка

РОДДОМ № 19
НАЗАД В СССР

Лиза Гамаус

Роддом 19. Назад в СССР

<https://litres.ru/74423834>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что, если бы вы попали в прошлое, которое критиковали, но при этом влюбились в него снова? Сознание профессора Ларионовой, «убитой» прямым теле-эфиром, пробуждается в теле санитарки советского роддома Тоси в 1972 году. Теперь ей предстоит не только вспомнить, что такое очереди за колбасой и хрущёвки, но и принять чужую жизнь. У Тоси — долги, строгая тётя, поклонник в военной форме и безнадёжная любовь к женатому врачу.

Разрываясь между научным цинизмом и теплом воспоминаний, героиня пытается изменить свою новую судьбу.

Содержание

Глава 1. Косынка	4
Глава 2. Кинотеатр "Спутник"	11
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Лиза Гамаус

Роддом 19. Назад в СССР

Глава 1. Косынка

Камера крупно взяла её лицо.

Софиты выхватили серебристо-пепельные пряди и внимательные, пронзительные серые глаза. Острый, умный взгляд.

Она говорила, чуть склонив голову, как бы размышляя вслух.

Ведущий Артём представил её со сладковатой улыбкой, в которой она заметила снисходительность:

— А пока одни ностальгируют по советскому прошлому, другие видят в нем истоки сегодняшних проблем. Почему так происходит? С этим вопросом мы обратились к известному политологу, доценту Екатерине Викторовне Ларионовой. Екатерина Викторовна, вы как раз из тех, кто считает СССР обречённым проектом. Что, всё было так плохо?

Она встретила его взгляд, мгновенно уловив вызов.

Он был молод, самоуверен, дитя девяностых, воспитанный на глянцевах журналах и либеральных учебниках. Он

не нюхал пыль библиотечных архивов, не держал в руках партбилеты своих родителей, к которым они относились как к драгоценности, понятия не имел об абсолютном доверии, порядочности и страхе того времени, сплетённых воедино.

— Я из тех, кто считает, что история не бывает чёрно-белой, Артём, — ее низкий, грудной голос прозвучал спокойно, но в студии стало тише. — Эпоху застоя, условно говоря, брежневские семидесятые, сегодня активно идеализируют. Именно этот период и заложил ту самую мину замедленного действия, которая в конечном итоге привела к распаду СССР.

— Мину? — Артём игриво поднял бровь, повернувшись к камере, будто делясь со зрителями ее «чуждачествами». — Но позвольте, люди же были счастливы! Рождаемость, бесплатное образование, медицина, жилье, покорение космоса! Вы хотите сказать, это всё миф?

— Я хочу сказать, что государство требовало от человека полного внешнего конформизма, но при этом не могло обеспечить его внутреннее согласие с системой. Люди научились мастерски имитировать лояльность, но не испытывать её. Это и есть та самая мина — всеобщий цинизм.

— Сильно сказано! — Артём сделал театральную паузу. — «Всеобщий цинизм». То есть вы утверждаете, что весь советский народ был нацией лицемеров и обманщиков? Что не было искренней веры в идеалы? Любви к Родине?

Это была грубая провокация, подмена понятий.

Екатерина Викторовна почувствовала, как по спине пробежал холодок гнева.

Он намеренно упрощал и оглуплял ее слова, чтобы создать зрелищный спор. Она знала, к кому идёт на программу.

— Не надо передёргивать, — её голос зазвучал твёрже. — Я говорю о системной проблеме, а вы пытаетесь свести её к оскорблению людей. Это не вина людей, это преступление системы против них самих.

Она видела, как взгляд Артёма загорелся азартом. Скандал был на крючке. Рейтинги росли. Ларионову трудно было вывести из себя, она всегда справлялась с провокациями подобного рода. Он ликовал.

— Преступление? — он свистнул. — Очень смелое заявление для телеэфира. То есть вы утверждаете, что СССР был преступным государством?

Он перешёл все границы. Это был уже не спор, это был подлог, рассчитанный на то, чтобы вывести её из себя, заставить наговорить лишнего.

И в этот момент, глядя на его самодовольное, молодое лицо, она поймала себя на парадоксальной мысли.

Да, всё так. Она говорила то, что считала верным, что изучала годами. Но... те самые семидесятые были и самым счастливым периодом в её жизни. Себя не обманешь. За плечами шестьдесят восемь лет, разных, добрых и злых. А то время... то время было юностью. Беззаботной, весенней, полной надежд и радости. Море друзей, когда ценились зна-

ния, умения, честность, взаимопомощь. Любовь... та самая, единственная.

Разрыв между холодным анализом учёного и тёплой памятью сердца оказался слишком резким. Голова её вдруг закружилась

— Вы... вы сознательно манипулируете, — её голос,

обычно абсолютно чёткий, вдруг дрогнул. Она судорожно схватилась за край стола, но пальцы не слушались. — Это... это недопустимая...

Она не договорила. Резкая, обжигающая боль в виске, будто вкручивали раскалённую спицу. Софиты поплыли, расплылись в ослепительное белое пятно. Собственный голос ушел в глубь нарастающего гула. Её обдало волной невыносимой жары, сменившейся леденящим холодом.

Провал. Тишина.

Первое, что она ощутила, — это запах. Резкий, кисловатый запах хлорки, варёной капусты и чего-то сладковато-молочного, человеческого. Этот запах был густым, почти осязаемым, он обволакивал, лез в ноздри, въедался в кожу.

Веки были свинцово тяжёлыми. Она с трудом открыла глаза.

Яркий белый свет бил в зрачки не от софитов, а от лампы под матовым стеклянным колпаком на высоком потолке. Потолок был выкрашен масляной краской, кое-где покрыт паутиной трещин. Она разглядывала эти трещины с секунду, другую, и где-то на третьей секунде в её усталом, измученном спором мозгу начала пульсировать одна-единственная, нелепая мысль: *«Я не помню, чтобы в гримерке был такой потолок. И пахнет здесь не духами и кофе, а... чуть ли не родильным домом».*

Она лежала на жёсткой кушетке, обитой коричневой клеёнкой, в небольшой комнате, заставленной железными шка-

фами. Где студия? Камера? Где её костюм?

Она попыталась подняться и ахнула. Тело было чужим. Лёгким, гибким, без привычной ломоты в коленях и спине, которая последние лет десять была её верной спутницей по утрам. Она посмотрела на свои руки. Это были руки молодой девушки: сильные и полные жизни. Миндалевидные ногти коротко подстрижены. На левом запястье — след от свежего ожога, которого у неё, Екатерины Викторовны, точно не было.

В дверь просунулась голова в белоснежной косынке:

— Тось, ты чего разлежалась? Голова прошла? Кончился твой пересменок, беги на пост, роженицу из пятой палаты на предродовую готовят, Митюхину, у неё схватки учащаются!

Екатерина Викторовна замерла. Тось ?

Она обвела взглядом комнату: советский плакат «Чистота — залог здоровья», стерилизационные кипятильники, а на ногах... на ногах красовались белые носки с растянутыми резинками с синим кантиком. Гладкие, упругие молодые стройные ноги. Не ноги, а ножки. Они действительно были её? Такие красивые...

— При чём тут роженица? — прошептала она, чувствуя, как где-то глубоко в черепной коробке начинает зарождаться паника. — Я в роддоме?

— Вставай, давай!

Фыркнула голова в косынке и исчезла.

Сердце заколотилось с бешеной силой. Она подбежала к

маленькому зеркальцу, висевшему над раковиной. На неё смотрела круглолицая, испуганная девушка лет двадцати с большими серыми глазами и непослушной светлой прядкой, выбившейся из-под косынки. Она никогда в жизни не носила косынок. А тут... какая-то Тося.

Из коридора донесся душераздирающий крик женщины и суетливые шаги медсестер. Где-то зазвонил телефон, тот самый, как тогда, давно, очень давно... Она помнила этот звонок.

Екатерина Викторовна медленно опустилась на табурет, цепляясь дрожащими пальцами за холодный край раковины.

Ее аналитический ум, только что разбиравший в пух и прах целую эпоху, дал сбой. Она вдруг отчётливо осознала всю иронию момента: она, доцент, исследователь советской системы, только что в прямом эфире разоблачавшая «мину замедленного действия», теперь сидела в теле санитарки с вытянутыми резинками на носках в роддоме, и единственная мысль, от которой стыла кровь в этих молодых, полных сил жилах, была проста и ужасна:

«Я, кажется, умерла тогда в студии. И попала в тело санитарки Тоси. Я на том свете? В каком-то другом измерении? Или в прошлом? Какой сейчас год? Где я? В каком городе? Боже мой, если это прошлое... я же знаю, что будет дальше. Со всеми нами. Со всей страной. Или всё не так?»

Глава 2. Кинотеатр "Спутник"

Екатерина Викторовна — нет, теперь она просто безымянное сознание в чужом теле — сидела на табуретке, вцепившись в раковину. В зеркале девушка с большими испуганными глазами повторяла её движения.

Тося. Имя отзывалось глухим эхом где-то в закоулках этого нового, чужого мозга. Вместе с ним пришли обрывки чужих чувств: липкий страх перед тётей Зиной, тяжелая усталость в мышцах после смены, сладковатая, щемящая нежность к высокой спортивной фигуре врача Сергея Петровича...

«Прекрати!» — мысленно крикнула она себе, тому, кто сидел в её голове. Политологу. Ученому. *«Это не твоя влюбленность. Это какая-то Тося в тебя вселяется. Или ты в неё. Нужны факты».*

Факт первый — молодое здоровое тело. Она расстегнула халат, чтобы убедиться, что оно вообще её. Под халатом была хлопковая, с тонкой кружевной тесьмой комбинация в незамысловатый цветочек, а под ней белый лифчик, тоже хлопковый, без чашечек, идиотского покроя. Быстро застегнулась.

Дверь внезапно открылась, и зашла пухлая женщина в белом халате.

— Тось, ты чего тут в себя так долго приходишь? Опять голова болит? Выпила бы чего. Беги, тебе говорят! Митюхина кричит, как резаная, а в преддродовой уборка. Да смотри, чтобы Степановна тебя не застучала с сигаретой, а то вон уже сколько жалоб было.

Жалобы? На Тосю? Она курит? Она заставила новое тело встать. Оно послушалось с пугающей легкостью.

— Какие... жалобы? — её голос прозвучал непривычно высоко, почти звонко.

Женщина фыркнула:

— Как какие? Мусор не вовремя выносишь, ординаторскую не убрала после обеда. Бумаги в архив по датам разложила, а картотеку по алфавиту всю перепутала! Умная ты у нас больно, а толку? Беги!

Тося вышла в коридор. Бесконечный. Стены покрашены до половины зеленой масляной краской с тёмно-зелёным ободком. Шум, крики, запахи — всё ударило в голову какофонией живого больничного быта.

Она двигалась на автопилоте, который включали мышцы. Привела в порядок преддродовую, автоматически разложив инструменты так, как это делала бы опытная медсестра её времени. Руки сами знали, что делать: зажимы — слева, корнцанги — справа, стерильные салфетки — стопочкой.

За этим занятием её и застала акушерка Степановна — сухая, с острым взглядом, способным заморозить кипяток.

— Луговая, это что? — она ткнула пальцем в аккуратно расставленные зажимы.

— Инструменты, — тихо ответила Тося. Она вдруг почувствовала себя студенткой на экзамене, хотя ещё полчаса назад сама принимала экзамены.

— Я вижу. Кто тебя учил так класть? Ты у нас санитарка, а не сестра. Не выпендривайся! Иди, полы в коридоре приведи в порядок за ординаторской в конце, там после передачи что-то разлили.

«Спокойно, — сказала Тося себе, крепко сжимая швабру. — Ты, Екатерина Викторовна, пережила трех министров образования, защитила диссертацию в разгар перестройки, когда диссертационные советы закрывались как консервные банки с огурцами в разгар сезона. Какую-то Степановну ты переживёшь».

Весь день прошёл в столкновениях. Её «правильные», эффективные действия вызывали подозрение. Её растерянность в простейших бытовых вопросах — где взять тряпку? Чем мыть этот проклятый пол? Почему у ведра нет отжима? — вызывала у коллег искреннее веселье. Одна из медсестер, Валечка, шепнула другой: «Тоська сегодня тормозит, будто первый день на работе».

Она была чужой. Странной. Настоящая Тося, судя по обрывкам воспоминаний, была мечтательной, неуклюжей, влюбленной и боязливой. Новая — собранной, молчаливой, с взглядом, от которого старшая медсестра Ольга Игоревна

невольно отвела глаза. С взглядом явно не двадцатилетней девчонки.

Кто такой Сергей Петрович, она так и не выяснила. Его фамилия — Сомов — всплыла в разговоре медсестер, и когда Тося услышала это имя, то в груди что-то ёкнуло. *«Молодой, красивый хирург, — прокомментировала Екатерина Викторовна эту реакцию с иронией. — Ну конечно. В кого же еще влюбляться санитарке в семидесятые?»*

Смена закончилась. Завтра выходной. Она, одетая в тяжелое, неуклюжее синее пальто с меховым воротником из цигейки, вязаную шапку на подкладке и потрёпанные коричневые сапоги. На левом железная молния еле закрывалась.

Тося вышла на весенние улицы Москвы 1972 года.

Воздух был обжигающе свежим. Снег ещё не сошёл, лежал серыми, грязными холмами по краям дороги, но солнце светило по-весеннему ярко, и от этого света у Тоси на лице заиграла улыбка. Она забыла, каким ярким бывает солнце, когда тебе двадцать. В её шестьдесят восемь оно всегда казалось обыкновенным. На него некогда было обращать внимание.

Прямо перед главным входом роддома она увидела белую статую: сидящая мадонна с открытой грудью в длинных одеждах, босая, с младенцем на руках. В замысле чувствовалась претензия на античность. Облезлая после зимы, с почти чёрным основанием. На голове сидела ворона.

— Соцреализм, — прокомментировала Екатерина Викторовна вслух и тут же оглянулась — не слышал ли кто. Голос прозвучал тонко, по-девчоночьи, и это сбивало с толку больше всего.

Куда идти?

Она понятия не имела.

Роддом находился в Лефортово. У чёрта на рогах. Екатерина Викторовна родилась на Мясницкой, потом жила в разных местах, но всегда в пределах Садового. Лефортово для неё было зоной, куда ездят на экскурсии в «Лефортовский парк», где Пётр I участвовал в «потешных морских боях» на прудах. Она там, кажется, так ни разу и не была.

Где-то вдали слева звенели трамваи. Она пошла на звук. Справа она увидела странный котлован, а на дальнем конце — светлое здание, облицованное плиткой, на котором горела вывеска: «Кинотеатр «СПУТНИК» широкоэкранный». Это была задняя часть здания, с тремя закрытыми высокими дверями, откуда обычно выходила публика после сеанса.

Тося свернула к кинотеатру. Решила, что рядом наверняка есть остановки трамвая. Да и стало любопытно: как выглядел этот кинотеатр «Спутник» в те годы, когда она сама была молодой? Она вдруг с удивлением поняла, что ей, Екатерине Викторовне, безумно хочется вспомнить. Вспомнить себя прежнюю.

На крыльце прохаживались люди в ожидании сеанса, но

их было немного. Рабочий день еще не закончился. Тося поднялась по ступенькам, встала за наружными квадратными колоннами.

По обе стороны от главного входа висели два плаката. Один — с Нонной Мордюковой и ее сыном. Фильм «Русское поле».

Тося отлично помнила этот фильм. Про женщин-трактористок. Трактористок, потому что мужиков в послевоенной стране не хватало нигде. Трагичный фильм. В конце у героини погибает сын на службе во время советско-китайского конфликта на границе. Что-то она там говорит в самом конце... чтобы детям не мешали жить...

Как давно она его смотрела! Память продолжала удивлять. В «Русском поле» была хорошая музыка и песня. Кто пел? В голове сразу заиграла мелодия, и вспомнилась не только музыка, но и первая строчка:

Мне белая выюга уронит в ладони

Перо с крыла...

... Ненашева. Галина Ненашева. Она была очень популярной и любимой. Певица с короткой стрижкой и тёмными волосами, с не совсем типичным образом для советской эстрады тех лет.

На втором плакате красовались сказочные герои из «Варвары-красы — длинной косы». Чудо-Юдо. Царь Берендей. Девушка улыбнулась, вздохнула и полезла в Тосину су-

мочку — потрёпанную, на манер охотничьей, с застёжкой-кнопкой, которая не застёгивалась. Внутри лежала записная книжка в клеёнчатой обложке, пара билетов, куда, она не поняла, дешёвая помада в железном футляре и — о, радость! — три рубля мелочью.

«Сигарет нет, — констатировала она с облегчением. — Значит, жалобы были не на Тосю, а на кого-то другого».

Она открыла записную книжку на букву «Т», где был написан телефон, напротив которого стояло имя: «Тётя Зина». Что-то в голове постоянно вертелось вокруг этого имени. Но как позвонить? Как узнать адрес хотя бы? Она чувствовала, что Тося должна была после смены идти именно к этой тётке Зине. Или домой. Но где этот дом?

Она стояла на крыльце кинотеатра, сжимая в руке потрёпанную записную книжку, и чувствовала себя совершенно беспомощной.

— Антонина! — услышала она за спиной мужской голос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.